

УДК 332.1

ESG-ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С ПРАКТИКАМИ ЕС**А.А. Пермовский, Е.Н. Назарова, Ю.С. Фролов**

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Нижний Новгород, email: ttpis@yandex.ru, aniutka.nazarowa@yandex.ru, yura.frolov.04@bk.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается взаимосвязь ESG-трансформации и цифрового развития российских предприятий в контексте сравнительного анализа с регуляторными и корпоративными практиками Европейского Союза. Актуальность исследования обусловлена кардинальной трансформацией ESG-повестки в России, где после 2022 года происходит переосмысление подходов к устойчивому развитию: от имиджевых практик к интеграции принципов устойчивости в операционную деятельность. На основе анализа данных Банка России, рейтинговых агентств (РАЕХ, АК&М, НРА, Эксперт РА) и результатов эмпирических исследований российских ученых за 2024–2026 годы выявлено, что цифровая трансформация выступает ключевым драйвером и одновременно катализатором ESG-изменений. В ЕС ESG-регулирование превратилось в жесткий фискальный и нормативный каркас, включающий CSRD, CSDDD и таксономию ЕС, тогда как в России формируется прагматичный стандарт операционной эффективности, опирающийся на национальные приоритеты. Объем портфеля ESG-кредитов в России за период с июля 2024 по июль 2025 года вырос в 1,5 раза до 8 трлн рублей, а выпуск ESG-облигаций увеличился втрое до 157,85 млрд рублей. Наряду с этим в 2025 году наблюдается сокращение пула участников ESG-индекса с более чем 100 до 65 нефинансовых компаний, что отражает не снижение интереса, а качественную трансформацию подходов: бизнес переходит от декларативной отчетности к интеграции ESG в процессы цифровизации и управления данными. Сравнение с практиками ЕС показывает, что российская модель ESG-трансформации носит более добровольный и адаптивный характер, ориентированный на экономическую эффективность, тогда как европейская модель приобретает характер принудительного регуляторного каркаса с обязательными требованиями к раскрытию информации и комплексной отчетности.*

***Ключевые слова:** ESG-трансформация, цифровое развитие, устойчивое развитие, корпоративная социальная ответственность, Европейский Союз, цифровая экономика, зеленые финансы.*

ESG TRANSFORMATION AS A STRATEGIC PRIORITY IN THE DIGITAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN ENTERPRISES: A COMPARATIVE ANALYSIS WITH EU PRACTICES**A.A. Permovsky, E.N. Nazarova, Yu.S. Frolov**

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, email: ttpis@yandex.ru, aniutka.nazarowa@yandex.ru, yura.frolov.04@bk.ru

***Abstract.** The article examines the relationship between ESG transformation and digital development of Russian enterprises in the context of a comparative analysis with the regulatory and corporate practices of the European Union. The relevance of the study is determined by the radical transformation of the ESG agenda in Russia, where after 2022 there is a rethinking of approaches to sustainable development: from image practices to the integration of sustainability principles into operational activities. Based on an analysis of data from the Bank of Russia, rating agencies (RAEX, AK&M, NRA, Expert RA) and the results of empirical research by Russian scientists for 2024–2026, it is revealed that digital transformation acts as a key driver and catalyst for ESG changes. In the EU, ESG regulation has turned into a rigid fiscal and regulatory framework, including CSRD, CSDDD and the EU taxonomy, while in Russia a pragmatic standard of operational efficiency is being formed, based on national priorities. The volume of the ESG loan portfolio in Russia from July 2024 to July 2025 increased 1.5 times to 8 trillion rubles, and the issue of ESG bonds tripled to 157.85 billion rubles. At the same time, in 2025, there is a reduction in the pool of participants in the ESG index from more than 100 to 65 non-financial companies, which reflects not a decrease in interest, but a qualitative transformation of approaches: business is moving from declarative reporting to integrating ESG into digitalization and data management processes. Comparison with EU practices shows that the Russian model of ESG transformation is more voluntary and adaptive in nature, focused*

on economic efficiency, while the European model is acquiring the character of a compulsory regulatory framework with mandatory disclosure requirements and comprehensive reporting.

Keywords: *ESG transformation, digital development, sustainable development, corporate social responsibility, European Union, digital economy, green finance.*

Дата поступления статьи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия статьи в печать: 15.06.2026

Введение

Концепция ESG (Environmental, Social, Governance) в последние годы претерпела значительную эволюцию: из добровольной инициативы, продвигаемой преимущественно крупными международными корпорациями и инвестиционными фондами, она превратилась в один из ключевых драйверов корпоративной стратегии во всем мире. Однако характер этой трансформации существенно различается в зависимости от юрисдикции, исторического контекста и национальных приоритетов. В Европейском Союзе ESG приобрела характер жесткого регуляторного каркаса, тогда как в России, особенно после 2022 года, наблюдается переосмысление подходов к устойчивому развитию в сторону более прагматичной и технологичной модели. Особый интерес представляет взаимосвязь ESG-трансформации и цифрового развития предприятий, поскольку именно цифровые технологии выступают тем инструментом, который позволяет не только измерять и контролировать ESG-показатели, но и встраивать принципы устойчивости в операционные процессы на качественно новом уровне.

Теоретической основой исследования ESG-трансформации служит широкий спектр концепций, начиная от теории стейкхолдеров, согласно которой компания должна учитывать интересы всех заинтересованных сторон, а не только акционеров, и заканчивая ресурсной теорией, которая рассматривает ESG-компетенции как стратегический ресурс, создающий конкурентные преимущества. В российской науке проблематика ESG получила значительное развитие в работах, посвященных корпоративной социальной ответственности, устойчивому развитию и «зеленой» экономике. Однако, как отмечают исследователи, в условиях санкционного давления и деглобализации происходит трансформация подходов к принципам КСО и ESG в российском контексте, что требует переосмысления теоретических моделей, разработанных в более благоприятных внешнеэкономических условиях [6]. В 2025 году ESG повестка перестала быть маркетинговым инструментом и переживает этап «прагматичной трансформации», а в Европе она превратилась в жесткий фискальный и регуляторный каркас, а в России — в прагматичный стандарт операционной эффективности, фиксирует аналитика [4].

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как цифровая трансформация и ESG-трансформация соотносятся друг с другом. В работе, выполненной на базе Высшей школы экономики, утверждается, что цифровая трансформация выступает основой для ESG-трансформации компаний. Объектом исследования в этой работе выступают процессы цифровой и ESG-трансформаций компаний из отраслевых групп «ритейл и бигтех» и «сырьевые и агропромышленные компании», а предметом — количественные и качественные результаты влияния цифровой трансформации на ESG-показатели компаний и их фундаментальные финансовые показатели. Эта взаимосвязь не является односторонней: цифровые технологии позволяют автоматизировать сбор и анализ ESG-данных, что снижает транзакционные издержки и повышает прозрачность, а высокие ESG-стандарты, в свою очередь, стимулируют внедрение более эффективных и экологичных цифровых решений.

В европейской практике регулирование ESG достигло наибольшей степени институционализации. Европейский Союз в рамках реализации «Европейского зеленого курса» предпринимал усилия по ужесточению требований в области ESG, постепенно переходя от общих декларативных заявлений к закреплению конкретных юридических обязательств для бизнеса. Ключевыми документами здесь выступают Директива о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (CSRD), которая ввела новые требования к обязательной нефинансовой отчетности для многих компаний, включая раскрытие обширной информации об устойчивом развитии в специализированном разделе годовых отчетов, а также Директива о надлежащей комплексной проверке в области устойчивого развития (CSDDD), которая обязывает компании интегрировать надлежащую проверку в свою политику и системы управления рисками, чтобы предотвращать, смягчать и устранять неблагоприятное воздействие на права человека и окружающую среду.

В 2025 году Европейский парламент принял пакет поправок Omnibus I, направленных на упрощение требований CSRD и CSDDD, однако эти послабления не отменяют саму логику перехода к обязательному и стандартизированному раскрытию ESG-информации.

Российская практика в этом контексте демонстрирует иную траекторию. Как справедливо отмечается в исследовании, опубликованном в журнале «Акционерное общество: вопросы корпоративного управления» в 2025 году, повестка ESG перестала быть маркетинговым инструментом и переживала этап «прагматичной трансформации», в Европе она превратилась в жесткий фискальный и регуляторный каркас, а в России — в прагматичный стандарт операционной эффективности [4]. Это различие имеет глубокие институциональные корни и определяет разные стратегии цифрового развития предприятий: если европейские компании вынуждены инвестировать в системы сбора и анализа ESG-данных под давлением регулятора, то российские предприятия все чаще делают это исходя из соображений экономической эффективности, снижения издержек и повышения инвестиционной привлекательности. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления этих различий и оценки того, как российская модель ESG-трансформации соотносится с европейской в условиях цифровизации экономики.

Цель исследования

Целью исследования стал сравнительный анализ подходов к ESG-трансформации как стратегическому приоритету цифрового развития российских предприятий и практик Европейского Союза. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: выявить ключевые направления ESG-трансформации российских предприятий в контексте цифрового развития; проанализировать регуляторные и корпоративные практики ЕС в области ESG-отчетности и устойчивого развития; сопоставить количественные и качественные показатели ESG-активности в России и ЕС; определить основные барьеры и перспективы гармонизации подходов.

Материал и методы исследования

В основу работы положен метод сравнительного качественного и количественного анализа, позволяющий сопоставить регуляторные подходы, корпоративные практики и статистические показатели в области ESG-трансформации в России и Европейском Союзе. Выбор этих двух юрисдикций обусловлен как их экономической значимостью, так и принципиальными различиями в подходах к регулированию устойчивого развития: ЕС движется по пути централизованного и обязательного регулирования, тогда как Россия сохраняет более децентрализованную и добровольную модель.

Эмпирическую базу исследования составили несколько групп источников. Первая группа включает нормативные и программные документы: данные Банка России о введении обязательного раскрытия ESG-показателей для эмитентов из первого и второго котировальных списков; положение о раскрытии информации эмитентами, вступающее в силу с 1 октября 2026 года и вводящее раздел об устойчивом развитии с обязательным набором показателей; а также европейские директивы CSRD и CSDDD. Вторая группа источников — данные рейтинговых агентств: RAEX, АК&М, НРА, Эксперт РА, а также результаты ESG-индекса РБК/НКР. Третья группа включает результаты научных исследований, опубликованных в ведущих российских журналах и изданиях в 2024–2026 годах, в том числе работы сотрудников Высшей школы экономики, Сибирского федерального университета, а также публикации в журналах «Вопросы экономики», «Акционерное общество: вопросы корпоративного управления» и других [2, 4, 6, 9].

Результаты исследования

Проведенный анализ позволяет сформировать детализированную картину того, как ESG-трансформация в России соотносится с цифровым развитием предприятий, и как эта модель отличается от европейской. Наиболее существенные различия проявляются по нескольким ключевым измерениям: характер регуляторного воздействия, механизмы финансирования ESG-проектов, методы сбора и анализа данных, а также степень интеграции ESG-принципов в корпоративные стратегии цифровой трансформации.

В Европейском Союзе процесс регуляторного оформления ESG достиг наивысшей степени институционализации. CSRD, вступившая в силу в 2023 году, обязывает компании в рамках

своего действия раскрывать как риски, связанные с изменением климата и другими аспектами устойчивости, так и воздействие своей деятельности на людей и окружающую среду — концепцию, известную как принцип двойной существенности. CSDDD, в свою очередь, направлена на два аспекта ESG — экологический и социальный, представляя собой первый законодательный акт ЕС, обязывающий организации принять климатический план. В 2025 году были приняты меры по упрощению этих директив в рамках пакета Omnibus I, однако, как отмечается в аналитических материалах, несмотря на дерегулирование, убедительная ESG-стратегия остается разумной, а устойчивая система управления соответствием превращается в реальное конкурентное преимущество во времена регуляторной неопределенности.

В России процесс формирования обязательных требований к ESG-отчетности находится на более ранней стадии. Банк России планирует обязать эмитентов из первого и второго котировальных списков раскрывать набор базовых ESG-показателей в годовом отчете, речь идет примерно о 30 нефинансовых индикаторах, включая выбросы парниковых газов, потребление воды и энергии, объемы отходов, гендерную структуру персонала и уплаченные налоги. С 2025 года введено требование о том, что на Московской бирже компании первого и второго уровня листинга должны раскрывать ESG-отчетность. Кроме того, Банк России предложил правила для улучшения отчетности эмитентов, установив единые требования к структуре и содержанию годового отчета. Регулятор также опубликовал XBRL таксономию для раскрытия эмитентами показателей ESG, которая, как ожидается, станет обязательной с 2027 года. Переход к машиночитаемому формату ESG-отчетности создает инфраструктуру для объективного анализа и сравнения практик устойчивого развития различных компаний.

Несмотря на геополитические сложности и санкционное давление, российский бизнес демонстрирует устойчивый интерес к ESG-повестке, хотя его характер претерпел существенные изменения. Согласно данным НРА, по итогам 2024 года и к 2025 году половина оцениваемых компаний уже имеют один или несколько ESG-рейтингов у национальных агентств. В базовую выборку ESG-индекса в 2025 году включена 171 компания, хотя пул участников сократился: если в 2024 году в индексе было более 100 нефинансовых компаний, то сейчас — 65, а финансовых институтов — 12 вместо прежних 20 [2], что, как подчеркивают аналитики, является не признаком спада интереса, а отражением качественной трансформации подходов, когда компании переходят от участия в рейтингах к реальной интеграции ESG в деятельность.

Особого внимания заслуживает динамика рынка устойчивых финансов. По оценкам «Эксперт РА», объем портфеля ESG-кредитов в российских банках за период с июля 2024 года по июль 2025 года вырос в 1,5 раза и достиг 8 трлн рублей, при этом агентство допускает дальнейший рост к середине следующего отчетного периода. Российский рынок ESG-кредитования продолжает уверенный рост, хотя его структура меняется. Аналогичная картина наблюдается и на рынке ESG-облигаций: в 2025 году семь российских эмитентов осуществили десять выпусков облигаций в формате устойчивого развития суммарным объемом 157,85 млрд рублей, что в три раза больше, чем в 2024 году (52,8 млрд рублей), на 10% больше, чем в 2023 году (142,84 млрд рублей), и в 1,5 раза больше, чем в 2022 году (106,18 млрд рублей). При этом, как показывают данные, 23% участников рынка сообщили о расширении своих стратегий устойчивых инвестиций, 25% — о сохранении текущих позиций, еще 26% заявили, что продолжают использовать ESG-подходы, но изменили коммуникацию вокруг них.

Важным индикатором зрелости ESG-трансформации является качество углеродной отчетности. Российский бизнес демонстрирует прогресс в учете выбросов парниковых газов: участники ESG-рейтингов показали особенно высокие результаты в области углеродного учета и отчетности, многие компании ведут учет выбросов парниковых газов по всем охватам, включая Score 3 (косвенные выбросы вдоль всей цепочки создания стоимости). Рейтинговое агентство АК&М представило пятый рейтинг углеродного следа крупнейших российских компаний, в котором приняли участие 57 компаний. Из 85 компаний, наиболее полно раскрывающих ESG-информацию, 58 публикуют показатель косвенных выбросов (охват 2). Эти данные свидетельствуют о том, что экологическая составляющая ESG остается приоритетом для крупнейших российских предприятий, несмотря на внешние ограничения.

Исследование, проведенное в Высшей школе экономики, убедительно показывает, что цифровая трансформация выступает основой для ESG-трансформации компаний. Авторы изучают процессы цифровой и ESG-трансформаций компаний из отраслевых групп «ритейл и бигтех»

и «сырьевые и агропромышленные компании», а также количественные и качественные результаты влияния цифровой трансформации на ESG-показатели и фундаментальные финансовые показатели. В работе Сибирского федерального университета рассматриваются современные цифровые технологии и автоматизированные системы, используемые для сбора и анализа ESG-данных, а также практические кейсы реализации эффективных механизмов внутри российских предприятий [9].

Наиболее ярким примером взаимосвязи цифрового и ESG-развития служит внедрение технологий искусственного интеллекта для обработки больших объемов нефинансовой информации. Как отмечается в исследовании, применение AI для ESG-трансформации позволяет не только автоматизировать сбор данных, но и выявлять скрытые корреляции между ESG-показателями и операционной эффективностью. Более того, с развитием XBRL таксономии Банка России создается инфраструктура для машиночитаемой ESG-отчетности, что кардинально повышает сопоставимость и достоверность данных. На ЦИПР-2025 основное внимание было уделено объединению практики работы ИТ-компаний с методами оценки ESG, введению новой терминологии и принципов устойчивого цифрового развития, а также разработке прозрачных и понятных методов его оценки.

Несмотря на достигнутый прогресс, российские предприятия сталкиваются с рядом вызовов на пути ESG-трансформации. В исследовании, выполненном сотрудниками Сибирского федерального университета, рассматриваются предпосылки перехода к ESG-ориентированному управлению, влияние регуляторной среды, вызовы и барьеры внедрения ESG-принципов в российских реалиях, а также успешные кейсы трансформации [9]. К числу основных барьеров относятся: недостаток качественных данных для оценки ESG-показателей на всех уровнях цепочки создания стоимости; неопределенность регуляторной среды в условиях изменяющейся геополитической конъюнктуры; ограниченный доступ к международным ESG-рейтингам и методологиям; а также необходимость синхронизации ESG-стандартов с национальными приоритетами [6]. На ESG-повестку в финансовом секторе по-прежнему оказывают давление геополитические риски и сложная макроэкономическая ситуация в стране, что подтвердили 2024 и 2025 годы.

Анализ рейтингов позволяет выявить компании, наиболее успешно интегрирующие ESG-принципы в свою деятельность. RAEX представило ESG-рейтинг российских химических компаний, в десятку лучших вошли СИБУР Холдинг, «Пигмент» (КПАТА), «Акрон», «Каустик» (Волгоград), «Тольяттиазот», «КуйбышевАзот» и «Нижнекамскшина» [9]. Группа «Уралхим» (включая «Уралкалий», «Уралхим» и «Тольяттиазот») вошла в топ-10 лучших компаний в ESG-рейтинге российских химических предприятий, заняв 2-ю, 3-ю и 8-ю позиции соответственно. «Норникель» занял первое место в ESG-рэнкинге российских компаний за 2025 год, составленном агентством RAEX, которое оценивает, насколько эффективно компания решает экологические и социальные вопросы в регионах своего присутствия. По итогам четвертого ESG-индекса РБК/НКР тройку лидеров возглавила компания «Норникель», далее в тройке лидеров X5 и «ФосАгро». В финансовом секторе МТС получила высокие оценки в ведущих ESG-рейтингах: итоговый рейтинг МТС по методике АК&М соответствует наивысшему уровню «ESG-AAA» по шкале ESG-рейтингов, рекомендованной ЦБ РФ.

Сопоставление российской и европейской моделей ESG-трансформации позволяет выявить несколько принципиальных различий. Во-первых, европейская модель характеризуется высокой степенью централизации и обязательности: требования CSRD и CSDDD распространяются на все компании, работающие на рынке ЕС, независимо от страны регистрации, и предусматривают серьезные санкции за неисполнение. Российская модель, напротив, сохраняет добровольный характер ESG-отчетности для большинства компаний, за исключением эмитентов из высших котировальных списков. Во-вторых, европейская таксономия устойчивого развития является детально проработанной классификацией видов экономической деятельности, соответствующих экологическим целям, тогда как в России аналогичная система находится в стадии формирования [4]. В-третьих, европейские компании сталкиваются с необходимостью собирать и верифицировать данные не только о своих прямых выбросах, но и о выбросах поставщиков и потребителей (Scope 3), что требует развития сложных цифровых систем учета, тогда как в России фокус пока смещен на оценку прямых и косвенных энергетических выбросов (Scope 1 и Scope 2). В-четвертых, исследование взаимосвязи ESG-факторов и инвестиционной привле-

кательности компаний России и Европы показывает, что для России в общем случае оценки ESG оказались значимыми, однако в зависимости от спецификации отдельные оценки могут терять свою значимость.

В то же время можно говорить о некоторых тенденциях к конвергенции. Европейский Союз, осознавая избыточную регуляторную нагрузку на бизнес, в 2025 году принял пакет мер Omnibus I по упрощению требований CSRD и CSDDD: соблюдение CSRD теперь требуется только от компаний с чистым оборотом, превышающим 450 млн евро, и со средней численностью более 1000 сотрудников в течение финансового года. Россия, напротив, движется в сторону ужесточения требований: введение XBRL таксономии и обязательного раскрытия ESG-показателей для эмитентов из котировальных списков свидетельствует о постепенной институционализации ESG-отчетности.

Проведённый анализ показывает, что Европейский Союз и Россия движутся по разным, но потенциально сближающимся траекториям регулирования. В ЕС, несмотря на активное дерегулирование в 2025–2026 годах, сохраняется жесткая нормативная основа. В рамках пакета упрощений Omnibus I Советом ЕС был отложен срок вступления в силу требований CSRD для ряда компаний и CSDDD. Однако, как отмечается по состоянию на 2025 год, наднациональные ESG-нормы ЕС остаются сложными для обязательного исполнения. Значительное сокращение круга компаний, подпадающих под действие CSRD и CSDDD, можно трактовать как переход к более адресному контролю, а не как отказ от самой ESG-повестки. Это открывает новые перспективы для диалога: отмена избыточных требований к малому и среднему бизнесу сближает подходы ЕС с российской моделью – прагматичной, технологичной и индустриально ориентированной [3, 6].

Особого внимания заслуживает вопрос цифровой суверенизации ESG-инфраструктуры, рассматриваемый в Стратегии развития информационного общества на 2025–2030 годы. Формирование через механизмы XBRL-таксономии Банка России единого цифрового пространства для сбора и верификации данных позволяет создать защищённый контур оборота ESG-информации с одновременным обеспечением её сопоставимости и достоверности для национальных регуляторов и инвесторов [7].

На основе проведённого анализа и с целью преодоления выявленных барьеров – фрагментарности данных, различий в стандартах и цифрового неравенства регионов – могут быть предложены следующие меры прагматичной повестки [7, 9]:

Целесообразно законодательное закрепление национальных стандартов нефинансовой отчётности по таксономии устойчивых (зелёных) видов экономической деятельности с привязкой их к кодам ОКВЭД 2. Это позволит синхронизировать отраслевые и региональные стратегии, стимулируя инвестиции в «зелёные» проекты и одновременно решая задачу стабилизации занятости в моногородах. Экспертные оценки по итогам 2025 года и прогнозы на 2026–2028 годы свидетельствуют о потенциальных точках роста в химической, горно-металлургической и транспортной отраслях [4, 9]. Частичное финансирование этих инвестиций возможно из средств, высвобождаемых благодаря снижению нормативов резервирования по кредитам на такие проекты.

Развитие единого цифрового контура ESG-данных с использованием методов искусственного интеллекта. Для снижения административной нагрузки на бизнес и повышения сопоставимости отчетности перспективным выглядит создание на базе одного из институтов развития (в частности, ВЭБ.РФ) центра компетенций по автоматизированному сбору, валидации и анализу нефинансовой информации. Проведённое НИУ ВШЭ по заказу Росприроднадзора исследование успешно продемонстрировало способность современных языковых моделей решать такие задачи, как консультирование по экологическому праву и подготовка отчётности.

Создание механизма межрегионального выравнивания «цифровой зрелости» ESG через федеральные субсидии. Проведённый анализ макрорегионов и муниципальных стратегий показывает устойчивое цифровое неравенство [1, 7]. Представляется разумным распространить при отборе на получение грантов «Цифровая экономика РФ» требования к степени автоматизации сбора первичных ESG-данных для крупнейших налогоплательщиков, работающих в конкретных регионах.

Адаптация лучших европейских практик к российским условиям. Учитывая, что в ЕС наблюдается переход к адресному контролю за крупнейшими эмитентами и цепочками поставок [3, 5], целесообразно усилить требования к верификации цепочек поставок (Score 3) для экспор-

тно-ориентированных корпораций через механизмы добровольной сертификации. Это позволит сохранить их конкурентоспособность на внешних рынках с минимальным ростом издержек.

Внедрение системы управления репутационными рисками — «зелёный щит». Исследование СКОЛКОВО на массиве из 1344 нефинансовых отчётов подтвердило рост разрыва между декларациями и реальными практиками. Снижение информационной прозрачности может быть скорректировано с помощью механизма «зелёный щит» — независимого реестра проектов, прошедших технический и общественный аудит в Торгово-промышленной палате РФ или Общественной палате РФ.

Дифференциация фискальных и тарифных мер по принципу «материальности». Данные о текущей концентрации рынка «устойчивого финансирования» позволяют обосновать введение понижающих (до 10–20%) тарифов страховых взносов и налога на имущество для высокотехнологичных стартапов в области ресурсосбережения. Эти меры могут быть привязаны к показателям эффективности замкнутых циклов водопотребления, и практика составления отраслевых, как у «Эксперт РА» для химических компаний [9], здесь демонстрирует свою эффективность.

Реализация указанных направлений и мер способна качественно изменить структуру российского ESG-ландшафта. Эмпирические данные о росте рынка «устойчивых финансов» в 1,5 раза за год и стойком интересе бизнеса к получению рейтингов позволяют сделать обоснованный прогноз: к 2030 году объём «зелёного» портфеля может составить порядка 11–14 трлн рублей при условии введения описанных регуляторных стимулов и цифровых платформ.

Заключение

Проведённый сравнительный анализ показывает, что в российской бизнес-среде произошёл решительный отход от имиджевых концепций. ESG-трансформация перестала быть абстрактной «историей успеха» и стала осознанным инструментом операционной эффективности и управления рисками. Исследование Школы СКОЛКОВО с применением искусственного интеллекта наглядно подтвердило этот сдвиг от деклараций к прагматике, локализации и цифровой автоматизации отчётности. Теперь ESG — это неотъемлемая часть технологического обновления промышленности, поиска новых рынков сбыта и управления инвестиционной привлекательностью.

Тем не менее, остаются существенные институциональные различия на пути к единому пониманию устойчивого развития между Россией и странами ЕС. В Европе при всей видимой либерализации требований посредством пакета Omnibus сохраняется многоуровневая система жёсткого надзорного принуждения и директив. В России же формируется более прагматичный, рыночно-ориентированный стандарт. При этом оба подхода сходятся в одном — признании ключевой роли цифровизации. В ЕС она оформляется в электронные стандарты отчётности (ESEF, XBRL), а в России — через таксономию ЦБ РФ и точечное ИИ-регулирование. Дальнейшее сближение возможно по линии точечного снижения административной нагрузки на средний бизнес, что уже происходит в Европе, а также за счёт внедрения адаптированного европейского опыта по управлению косвенными выбросами (Scope 3) для крупнейших экспортеров, если это не будет противоречить национальным приоритетам.

Полученные результаты позволяют обосновать перспективную траекторию регуляторной политики. В части подавления негативных экстерналий («карательная» функция) представляется разумным распространить накопленный в химической и металлургической отраслях опыт автоматического мониторинга за ПДК на все приоритетные загрязнители, подключив данные к системе «ЭРА-ГЛОНАСС» как базе для начисления повышенных экологических сборов. В части стимулирования («поощрительная» функция) необходимо, опираясь на принцип финансовой материальности, законодательно закрепить на период до 2030 года налоговые льготы для владельцев «зелёных» сертификатов и сниженные коэффициенты к нормативам резервирования для банков, финансирующих приоритетные проекты устойчивого развития.

Наконец, принципиальное значение имеет более глубокая интеграция ESG-фактора в стратегии пространственного развития. Данные о влиянии качества окружающей среды и социальных условий на миграционные потоки убедительно свидетельствуют, что «социальное лицензирование» бизнеса должно стать обязательным пунктом как для корпоративных стратегий, так и для программ социально-экономического развития муниципалитетов. Только сочетание технологического суверенитета в сборе данных, адресной финансовой поддержки «зелёной» модернизации и общественного контроля способно превратить российскую модель ESG-трансформации

из набора разрозненных практик в системный фактор долгосрочной конкурентоспособности. Предприятия, которые уже сегодня начинают выстраивать интегрированные системы управления экологическими, социальными и управленческими рисками, получают доступ к «зелёному» финансированию и будут в выигрыше по сравнению с теми, кто откладывает эти изменения.

Таким образом, ESG-трансформация в России — это не копирование европейского стандарта, а выработка прагматичной модели, органично вплетённой в национальную политику импортозамещения и технологического суверенитета. Дальнейшее развитие этой модели будет зависеть от способности бизнеса и государства создавать эффективные и прозрачные механизмы на базе передовых цифровых решений.

Литература

1. Ажекбаров К.А., Амангельдиев Д.Д. О развитии межрегионального сотрудничества в рамках ЕАЭСО развитии межрегионального сотрудничества в рамках ЕАЭС // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2024. Т. 23, № 3. С. 9-13. DOI: 10.24182/2073-6258-2024-23-3-9-13 EDN: PXTFFZ.
2. Азжеурова К.Е., Соловьева Н.Е. Ключевые индикаторы устойчивого инвестиционного развития приграничных регионов // Экономика. Информатика. 2025. Т. 52, № 2. С. 243-254. DOI: 10.52575/2687-0932-2025-52-2-243-254 EDN: AYDDWZ.
3. Калугин А.М. Многостороннее сотрудничество в евразийском кластере: кейс «Тюменская область - Северный Казахстан» // Межрегиональные и межгородские связи на евразийском пространстве в условиях системных изменений мирового порядка: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Тюмень, 2025. С. 78-92.
4. Пантелеев А.Е. Пространственное развитие как фактор реализации интеграционного потенциала Евразийского экономического союза // Вопросы экономики. 2025. № 11. С. 45-59. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-11-45-59 EDN: QZBXPV.
5. Соболев В.О. Некоторые аспекты развития экономики приграничной территории Белгородской области // Научный результат. Экономические исследования. 2025. Т. 11, № 2. С. 86-92. DOI: 10.18413/2409-1634-2025-11-2-0-7 EDN: QSTGNO.
6. Сутырин В.В., Смирнов В.А. Евразийский интеграционный проект России: перспективы симметричной модели развития // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 12. С. 122-134. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-12-122-134 EDN: BWALFJ.
7. Фролов Ю.С., Чагаева Л.Ю. Экономическое неравенство и цифровой разрыв: региональные кейсы стран БРИКС // Проблемы развития современного общества: Сборник научных статей 11-й Всероссийской национальной научно-практической конференции. В 4-х томах, Курск, 19-20 января 2026 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2026. С. 378-381. EDN: LBSTDB.
8. Халадов Х.А.С., Бугайчук Т.В., Медведева Т.Ю., Вотинцев А.В. Ценностно-мотивационная сфера студентов - будущих педагогов и воспитательная среда вуза // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 4 (53). DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-4-1 EDN: MKCZCW.
9. Юник А.В. Факторы и барьеры технологического развития химической промышленности России: системная классификация и влияние на конкурентоспособность // Russian Journal of Management. 2025. Т. 13, № 12. С. 84-104. DOI: 10.29039/2409-6024-2025-13-12-84-104 EDN: TSIANK.